

Научная статья

УДК 340.11

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.8-17

Прагматика языка права

Виктор Николаевич Корнев

Российский государственный университет правосудия, Москва,

Российская Федерация

kornev51@yandex.ru

Аннотация

Введение. Исходным пунктом рассуждений, составляющих содержание настоящей статьи, является положение о том, что право есть прежде всего текст. Природа и построение юридического текста, а также обладание специфическим набором слов обусловили его возможность особым образом воздействовать на сознание, психику и поведение человека. Здесь речь идет о связи языка права с феноменом НЛП, т. е. нейролингвистическим программированием.

Теоретические основы. Методы. В настоящей статье использовались общенаучные методы: анализ, синтез, систематизация. Кроме того, автор обращался к лингвистическим методам исследования. Суждения и выводы, сформулированные в статье, строились на основе достижений феноменологии, психологии и аналитической философии.

Результаты исследования. Язык права относится к категории искусственных языков. Он представляет собой средство для позитивации должного как результата воли и сознания субъектов, участвующих в формировании и установлении запретов и дозволений в объективной реальности. Структура языка права, его состав характеризуются такими особенностями, которые позволили автору статьи обосновать его взаимосвязи с феноменом нейролингвистического программирования.

Обсуждение и заключение. По результатам исследования взаимосвязи языка права с феноменом нейролингвистического программирования сделан вывод о том, что для языка права по сравнению с другими естественными и искусственными языками прежде всего характерно такое его свойство, как прагматика, т. е. целевое, запрограммированное влияние на психику и поведение человека с целью формирования мира права, наиболее адекватного системе ценностей общества и отдельной личности.

Ключевые слова: язык права, правовой язык, феноменология, интерсубъективность, перформативы, прагматика языка, НЛП, норма права, правотворчество, юридический текст

Для цитирования: Корнев В. Н. Прагматика языка права // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 4. С. 8–17. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.8-17.

Original article

Pragmatics of the Language of Law

Viktor N. Kornev*Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
kornev51@yandex.ru***Abstract**

Introduction. The starting point of the reasoning that makes up the content of this article is the proposition that law is, first of all, a text. The nature and structure of the legal text, as well as the possession of a specific set of words, determined its ability to influence in a special way the consciousness, psyche and behavior of a person. Here we are talking about the connection between the language of law and the phenomenon of NLP, i. e. neuro-linguistic programming.

Theoretical Basis. Methods. This article used general scientific methods: analysis, synthesis, systematization. In addition, the author turned to linguistic research methods. The judgments and conclusions formulated in the article were based on the achievements of phenomenology, psychology and analytical philosophy.

Results. The language of law belongs to the category of artificial languages. It is a means for positing what should be as a result of the will and consciousness of subjects participating in the formation and establishment of prohibitions and permissions in objective reality. The structure of the language of law and its composition are characterized by such features that allowed the author of the article to substantiate its relationship with the phenomenon of neuro-linguistic programming.

Discussion and Conclusion. Based on the results of a study of the relationship between the language of law and the phenomenon of neuro-linguistic programming, it was concluded that the language of law, in comparison with other natural and artificial languages, is primarily characterized by such a property as pragmatics, i. e., a targeted, programmed influence on the psyche and human behavior in order to form a world of law that is most adequate to the value system of society and the individual.

Keywords: language of law, legal language, phenomenology, intersubjectivity, performatives, pragmatics of language, NLP, rule of law, lawmaking, legal text

For citation: Kornev, V. N., 2023. Pragmatics of the language of law. *Pravosudie/Justice*, 5(4), pp. 8–17. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.8-17.

Введение

В современной теории и философии права нет единого, общепризнанного понятия права. В этом контексте следует напомнить классическое высказывание великого немецкого философа Иммануила Канта, которое не потеряло теоретико-познавательного значения и для нашего времени: «Юристы все еще ищут свое определение понятия права» [Кант, И., 2010, с. 548].

В настоящее время право в зависимости от мировоззренческих и методологических предпосылок той или иной правовой концепции определяется как «система норм», «приказ суверена», «воля господствующего класса», «система общественных отношений» и т. д. Кроме того, в науке права

сегодняшнего времени получил распространение интегративный подход к пониманию природы права, согласно которому право представляется как многоаспектное явление, включающее в себя три измерения: нормативное (юридико-позитивистское); естественно-правовое (аксиологическое); реальное (социологическое). Вместе с тем в различном понимании природы права можно отметить нечто общее – то, что право, его нормы и принципы выражаются в языке. Язык права – это тот язык, который свойствен языку прежде всего нормативных правовых актов, в которых текстуально излагаются правовые нормы (*Normtext*). Попутно отметим, что наряду с языком права принято говорить еще и о правовом языке, т. е. о языке, которым изъясняется юридическая наука, излагаются решения правоприменительных органов, составляются различные юридические документы и т. д.

Можно сделать вывод о том, что язык представляет собой первое и существенное условие действительности и действия права. Право существует в высказываниях о нем, оно не мыслится вне и помимо языка. Истинным представляется суждение о том, что право находится в языке, а не где-то рядом с ним. Вместе с тем норму права (правило) следует отличать от высказывания о ней. «Содержанием акта, устанавливающего норму, является должное. Это должное есть норма» [Kelsen, H., 1979, с. 21]. Выражение «норма говорит (свидетельствует)» (что нечто должно быть или должно произойти) допустимо, поскольку посредством такого выражения может быть предотвращен соблазн замены нормы высказыванием о ней. Поскольку норма не есть высказывание, что нужно точно отличать, в особенности в случае высказывания о ней. Высказывание есть содержание мыслительного акта. Посредством языка право устанавливается, передается и становится известным неопределенному кругу лиц.

Теоретические основы. Методы

Юридический текст, например текст закона, представляет собой разновидность знаковой системы, которая соответствует определенному языку. Язык (письменный или устный) является одним из ключевых компонентов, из которых мы строим наши внутренние модели мира. Он способен оказывать огромное влияние на то, как мы воспринимаем реальность и реагируем на нее. Слова являются базовыми инструментами человеческого сознания и, будучи таковыми, наделены особой силой. Можно даже говорить о магии языка: «Все достоинства людей, как позитивные, так и негативные, подразумевают использование языка» [Дилтс, Р., 2022, с. 17].

Исходным пунктом наших рассуждений, составляющих содержание настоящей статьи, является положение о том, что право есть прежде всего текст. Это неудивительно, поскольку профессиональный юрист, будь то судья, прокурор, юрисконсульт, работает непосредственно с текстом, но с текстом специфическим: с текстом нормативного правового акта. Именно потому, что право ассоциируется с текстом, становятся возможны его интерпретация и применение.

Природа и построение юридического текста, а также обладание специфическим набором слов дают ему возможность по-особому воздействовать на сознание, психику и поведение человека. Здесь мы касаемся проблемы

прагматики языка вообще и языка права в частности. Согласно мнению одного из основателей семиотики Ч. Морриса, у знаков человеческой речи существует три аспекта, три сферы отношений: отношение знаков к объектам – семантика; отношение знаков к другим знакам – синтаксис; отношение знаков к людям, к их поведению – прагматика. Все три компонента на деле не существуют друг без друга и составляют как бы три стороны единого целого, треугольника [Черепанова, И. Ю., 1996, с. 27]. И здесь мы имеем в виду связь языка права с феноменом НЛП, т. е. нейролингвистическим программированием, занимающимся проблемой влияния, которое оказывает язык на программирование психических процессов и других функций нервной системы, а также изучающим, каким образом психические процессы и нервная система формируют наш язык и языковые шаблоны и находят в них отражение.

На наш взгляд, язык права в этом контексте занимает особое место, ибо обладает огромным потенциалом в деле воздействия в нужном русле на психику человека и формирование той «карты мира», которая желательна для государства и общества, т. е., иначе говоря, правомерного поведения. В этом наряду с регулятивной проявляется воспитательная функция права как способность права влиять на мысли и чувства людей, формируя их правосознание и стимулируя правомерное поведение. Заметим, что воспитательная функция права имеет самостоятельное значение, но не настолько, чтобы быть обособленной от иных его функций: регулятивной и охранительной, поскольку влияние права на сознание и психику людей осуществляется при помощи, как было замечено ранее, особого языка права, имеющего свои особенности.

Правотворец посредством права и его языка конструирует мир, создает свою карту или модель мира, адресованную членам общества. Он программирует идеальную реальность или, говоря словами современного постмодернизма, гиперреальность, т. е. реальность, замененную знаками, в том числе знаками языка, которые составляют юридический текст. Очевидно, что в реальном мире нет предметов, которые соответствовали бы понятиям «преступление», «субъективное право», «юридическая обязанность» и т. д. Отсюда следует, что особенностью языка права является то, что правовые понятия, правовые представления не имеют подобия в реальном мире, поэтому их невозможно представить вне языка. Они существуют исключительно в языке и посредством языка. Это придает им объективный характер. «Мы можем провести разделение между физическими и логическими объектами... Первые – реальны в точном смысле слова, последние – нет, но они не менее объективны. Хотя они не могут воздействовать на чувства, они могут быть схвачены посредством наших логических способностей», – писал Г. Фреге [Цит. по: Гончаров, С. С., Ершов, Ю. Л., Свириденко, Д. И., 1990, с. 26]. К этому суждению, высказанному ученым, добавим еще некоторые соображения, которые, на наш взгляд, углубляют и уточняют приведенную мысль. Обратимся к тому, что сказал в этом отношении Г. Кельзен: право не может быть сведено ни к физическим фактам, ни к психическим процессам. Нормы права принадлежат не к естественной реальности, а к идеальной реальности. Такая реальность, существующая в дополнение к

физическому и психическому миру, есть третье царство (третья империя), согласно Г. Фреге [Alexy, R., 2004, p. 161].

Интеллектуальная или идеальная модель мира, выраженная словами текста нормативного правового акта, не тождественна реальному миру, который в психологии принято называть территорией. Кроме того, каждый индивид имеет свою внутреннюю карту или модель мира, которая может находиться в противоречии как с картой мира, созданной правотворцем, так и с территорией, т. е. с реальным миром. Но, как отмечает известный психолог и лингвист Кожибски, наши поступки определяются скорее внутренними моделями реальности, чем самой реальностью [Цит по: Дильтс, Р., 2022, с. 23]. Отсюда следует, что необходимо расширять наши, т. е. внутренние, «карты мира». Опыт расширения внутренней карты мира субъекта права будет формироваться из знаний, которые составляют правотворческую карту мира на основе освоения реальной действительности. Однако решающее значение в этом контексте остается за картой мира, формируемой правотворцем при принятии соответствующих нормативных правовых актов, и ее восприятием внутренней картой мира. Почему? Да потому, что язык права имеет такие свойства, которые присущи только ему.

Результаты исследования

Первое, что необходимо в этом контексте сказать, – это что язык права (юридический текст) обладает суггестивными свойствами, которые непосредственно воздействуют на нервно-психическое состояние человека и способствуют формированию запрограммированного правотворцем в нормах и принципах права соответствующего поведения. Отсюда следует, что право как языковое явление – это система высказываний, выполняющих не только *сообщающие* (*mitteilbar*), т. е. коммуникативные, но и *суггестивные* функции, иначе говоря, такие функции, которые проявляются в способности юридических текстов влиять на наше поведение. Суггестию можно представить как арсенал средств и приемов четко направленного, *внушающего и убеждающего воздействия* на личность и ее установки. Язык, в том числе и язык права, *навязывает* человеку нормы познания, мышления и социального поведения: мы можем познать, понять и совершить только то, что заложено в нашем языке. Таким образом, запреты и дозволения, которые характеризуют внутреннее, деонтологическое содержание права, *воздействуют на поведение человека при помощи воспринимаемых его мозгом сигналов*, облеченные в языковую форму [Корнев, В. Н., 2018, с. 7].

Право оказывает суггестивное, внушающее воздействие на психику человека. Внушение действует прямо и непосредственно на психическую сферу человека помимо его воли, логики и личного сознания [Бехтерев, В. М., 1994, с. 100–101]. В целом можно признать, что право является лингвистическим феноменом, состоящим из совокупности высказываний, выполняющих суггестивную функцию и тем самым влияющих на человеческое поведение. В этом смысле суггестивное действие права вполне сравнимо с воздействием команды в войсках, которая сводится не к убеждению, а к приказу и внушению. Норма права, исходящая от нормотворца, представляет собой своего рода команду, императив, согласно которому чело-

век должен действовать так-то и таким образом. Внушающее воздействие исходит прежде всего от властных институтов, опирающихся на авторитет, в основе которого находятся такие его свойства, как легальность и легитимность. Определенный или неопределенный круг лиц, которым адресован императив легальной и легитимной власти, выраженный в правовой норме, должны действовать согласно этому предписанию независимо от того, согласны или не согласны они с таким предписанием. Конечно, авторитет нормы права, кроме внушения, может поддерживаться при помощи страха перед наказанием за ее неисполнение либо одобрением и признанием в общественном правосознании тех ценностей, на реализацию и защиту которых направлена соответствующая норма права.

Языку вообще, а языку права в особенности, свойственна *интенциональность*, т. е. он способен в той или иной степени адекватности выражать цель, на достижение которой направлены сознание и воля правотворца. Интенция (лат. *intentio* – намерение, цель, стремление) определяет содержание смысла (*the content of meaning*), является категорией феноменологии. Создатель феноменологической философии Эдмунд Гуссерль, разъясняя смысл этого философского положения, писал: «...под интенциональностью мы понимаем свойство переживания “быть сознанием чего-либо”». Интенциональные переживания служат «эйдетической предпосылкой идеи нормы» [Гуссерль, Э., 2006, с. 262, 270].

Отсюда следует, что сознание и воля правотворца всегда ориентированы на принятие правового акта как способа позитивации нормы права, которая является «смыслом и содержанием волевого акта, интенционально направленного на определенное поведение человека» [Kelsen, H., 1979, с. 21]. Следовательно, правовая норма в виде дозволения или запрета определенного поведения человека вначале переживается в сознании правотворца. С другой стороны, сознание правотворца как бы аккумулирует субъективные представления о юридических нормах, о должном правовом порядке, которые формируются в индивидуальном сознании членов общества, позитивируя их в законах и других нормативно-правовых актах [Коркунов, Н. М., 1904, с. 226]. Возникает своего рода коммуникативная, диалогическая связь между правотворцем и субъектами права, посредством которой и создается мир права, общий для всех субъектов. Однако этот мир не «объективный», «он не имеет не зависящего от субъектов существования. Это мир *интерсубъективный*. В нем соблюдаются правила: нет объекта без субъекта» [Слинин, Я. А., 2004, с. 63], что означает участие субъекта в формировании идеальной правовой реальности, в которой все объекты интерсубъективного мира интенциональные. Тем самым преодолевается противостояние субъекта и объекта.

В связи с этим следует отметить, что право является продуктом человеческого сознания и воли. Право, с одной стороны, есть объективно необходимое условие человеческого существования: обществу постоянно угрожают анархия и хаос, поэтому право необходимо как средство, обеспечивающее в той или иной мере замиренную среду в социуме. С другой стороны, в вопросах его «правильности», «истинности», «справедливости» и т. д. право по своему содержанию есть продукт исторически обусловленного человеческого установления и применения.

Прагматика языка права проявляется также в речевых актах, из которых состоит юридический текст. Понятие «речевой акт» – это открытие, сделанное Дж. Остином, им же была сформулирована знаменитая теория речевых актов. Основы этой теории изложены автором в книге «Как манипулировать вещами посредством слов». В переводе на русский язык она носит название «Слово как действие» [Остин, Дж., 1986]. Названная концепция Дж. Остина сложилась под воздействием идей Людвига Виттгенштейна, изложенных им в двух его знаменитых работах «Логико-философский трактат» и «Философские исследования». Следует заметить, что взгляды Л. Виттгенштейна в области языка не оставались неизменными. Суть дела состоит в том, что в своей ранней работе он отстаивал идею о языке как средстве отражения (*abbildung*) реального мира, состоящем из повествовательных истинных или ложных предложений – суждений. В афоризме 4.01 ученый отмечал: «суждение есть картина реальности»; в афоризме 4.06 мы находим, что «суждение может быть истинным или ложным только в силу того, что оно является картиной реальности» [Виттгенштейн, Л., 2010, с. 50, 57]. В дальнейшем в «Философских исследованиях» автор отходит от первоначальных позиций, замечая, что в языке кроме повествовательных предложений есть и иные, которые не отражают реального мира, и к ним не применима оценка с точки зрения истинности или ложности. Виттгенштейн вводит понятие «языковая игра» как компонент деятельности или формы жизни. Он демонстрирует многообразие языковых игр на таких примерах: отдавать приказы или выполнять их, просить, обещать, благодарить, проклинать, приветствовать, молить и т. д. [Виттгенштейн, Л., 2003, с. 237].

Именно указанное открытие Виттгенштейна в области языка оказало решающее влияние на Дж. Остина и его концепцию «речевых актов», суть которой состояла в том, что в языке немало слов и суждений, не просто описывающих реальность, но и являющихся этой реальностью, например глаголы «обещать», «запрещать», «объявлять» и т. п. Дж. Остин назвал такие глаголы *перформативами*, т. е. глаголами и предложениями действия. Язык права изобилует *перформативами*: имеет право, обязан, должен, управомочен, запрещено, разрешено и т. п., что как раз и дает ему возможность наиболее эффективно воздействовать на поведение людей в целях формирования, конструирования желаемого правопорядка. В этом также проявляется функция языка права в контексте нейролингвистического программирования.

Обсуждение и заключение

Проведенное исследование показало, что язык права выполняет не только коммуникативную, сообщающую функцию, в результате реализации которой соответствующая информация правового характера переводится из мира языка говорящего (правотворца) в мир языка адресата, но и функцию нейролингвистического программирования. Для достижения цели формирования, конструирования идеальной правовой реальности язык обладает всеми инструментами, которые выделены и детально рассмотрены в предлагаемой читателю статье. В создании желаемого мира участвует не только правотворец как представитель государства в образе «другого», но и субъ-

ективное сознание и воля индивида. Отсюда следует, что мир права – это интерсубъективный мир, т. е. право опосредуется не только сознанием и волей нормотворца, но и сознанием и волей субъекта права. Действующий в интерсубъективном мире права принцип «нет объекта без субъекта» имеет своим следствием то, что в конечном итоге человек руководствуется такими предписаниями, в которых отражены его идеалы и ценности. В силу этого обстоятельства язык права и обладает возможностью осуществления нейролингвистического программирования в целях воздействия на поступки людей и создания желаемого правопорядка.

Список источников

- Бехтерев В. М. Гипноз, внушение, телепатия / сост., авт. вступ. ст. и примеч. Г. Ф. Шангаров. М. : Мысль, 1994. 364 с. ISBN: 5-244-00549-9.
- Виттгенштайн Л. Логико-философский трактат / пер. с англ. Л. Добросельского. М. : ACT : Астрель, 2010. 177 с. ISBN: 978-5-17-064553-4; 978-5-271-27836-5.
- Виттгенштайн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. М. : ACT ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. С. 220–546. ISBN: 5-17-019254-1; 5-7921-0648-7.
- Гончаров С. С., Ершов Ю. Л., Свириденко Д. И. Семантические основы логического программирования // Концептуализация и смысл : сб. науч. тр. / отв. ред. И. В. Петров. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1990. С. 6–27. ISBN: 5-02-029123-4.
- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. первая / пер. с нем. А. В. Михайлова ; вступ. ст. В. А. Куренного. М. : Академ. проект, 2009. 489 с. ISBN: 978-5-8291-1042-0.
- Дилтс Р. Фокусы языка. СПб. : Питер, 2022. 384 с. ISBN: 978-5-49807-1.
- Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М. : Эксмо, 2010. 736 с. ISBN: 978-5-699-14702-1.
- Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 6-е изд. СПб. : Изд-во юрид. магаз. Н. К. Мартынова, 1904. 364 с.
- Корнев В. Н. Право как языковый феномен // Государство и право. 2018. № 6. С. 5–12. DOI: 10.7868/S013207691806001X.
- Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. Вып. XVII. М. : Прогресс, 1986. С. 87–116.
- Слинин Я. А. Феноменология интерсубъективности. СПб. : Наука, 2004. 354 с.
- Черепанова И. Ю. Дом колдуньи. Суггестивная лингвистика. СПб. : Лань, 1996. 208 с.
- Alexy R. The Nature of Legal Philosophy // Ratio Juris. 2004. Vol. 17, no. 2. P. 156–167.

Kelsen H. Allgemeine Theorie der Normen. Wien, 1979. 362 s. ISBN: 3214068822, 9783214068820.

References

- Alexy, R., 2004. The Nature of Legal Philosophy. *Ratio Juris*, 17(2), pp. 156–167.
- Austen, J., 1986. The word as an action. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike: Teoriya rechevykh aktov* = [New in foreign linguistics: Theory of speech acts]. Vol. XVII. Moscow: Progress. Pp. 87–116. (In Russ.)
- Bekhterev, V. M., 1994. *Gipnoz, vnusheniye, telepatiya* = [Hypnosis, suggestion, telepathy]. Comp., author of introd. art. and notes G. F. Shangarov. Moscow: Mysl'. 364 p. (In Russ.) ISBN: 5-244-00549-9.
- Cherepanova, I. Yu., 1996. *Dom koldun'i. Suggestivnaya lingvistika* = [House of the Witch. Suggestive linguistics]. St. Petersburg: Lan'. 208 p. (In Russ.)
- Dilts, R., 2022. *Fokusy yazyka* = [Tricks of the tongue]. St. Petersburg: Piter. 384 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-49807-1.
- Goncharov, S. S., Ershov, Yu. L., Sviridenko, D. I., 1990. [Semantic foundations of logical programming]. In: I. V. Petrov, ed. *Kontseptualizatsiya i smysl* = [Conceptualization and meaning]. Collection of scientific works. Novosibirsk: Nauka. Siberian Department. Pp. 6–27. (In Russ.) ISBN: 5-02-029123-4.
- Husserl, E., 2009. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* = [Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy]. Book first. Transl. from Germ. by A. V. Mikhailov; introd. art. by V. A. Kurennoy. Moscow: Akademicheskij proekt. 489 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8291-1042-0.
- Kant, I., 2010. *Kritika chistogo razuma* = [Critique of Pure Reason]. Transl. from Germ. by N. Lossky. Moscow: Eksmo. 734 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-699-14702-1.
- Kelsen, H., 1979. Allgemeine Theorie der Normen. Wien. 362 s. ISBN: 3214068822, 9783214068820.
- Kornev, V. N., 2018. Law as a linguistic phenomenon. *Gosudarstvo i pravo* = State and Law, 6, pp. 5–12. (In Russ.) DOI: 10.7868/S013207691806001X.
- Slinin, Ya. A., 2004. *Fenomenologiya intersub'yektivnosti* = [Phenomenology of intersubjectivity]. St. Petersburg: Nauka. 354 p. (In Russ.)
- Wittgenstein, L., 2003. Philosophical studies. *Yazyki kak obraz mira* = Languages as an image of the world. Moscow: AST; St. Petersburg: Terra Fantastica. Pp. 220–546. (In Russ.) ISBN: 978-5-17-064553-4; 978-5-271-27836-5.
- Wittgenstein, L., 2010. *Logiko-filosofskiy traktat* = Logico-philosophical treatise. Transl. from Eng. by L. Dobrosl'sky. Moscow: AST: Astrel. 177 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Корнев Виктор Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права имени Н. В. Витрука Российской государственной университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69), главный редактор журнала «Правосудие/Justice».

Viktor N. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation), Editor-in-Chief of the Journal "Pravosudie/Justice".

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 29.09.2023; дата одобрения после рецензирования: 07.11.2023; дата принятия статьи к опубликованию: 08.11.2023.

Submitted: 29.09.2023; reviewed: 07.11.2023; revised: 08.11.2023.